

*Сергей Мазур, Алексей Романов  
(Рига, Латвия)*

## РУССКИЙ МИР И ЛАТВИЯ

---

---

Ежеквартальный альманах «Русский мир и Латвия» издается в Риге обществом "SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS". В 2004 – 2011 годах вышло 24 его выпуска. Программа альманаха разработана исследовательской группой, в которую вошли кандидат философских наук Алексей Романов и издатель Сергей Мазур. Основные направления исследований, ведущихся в рамках альманаха, – изучение наследия выдающегося фольклориста и историка русской культуры в Латвии Б.Ф. Инфантьева (С. Мазур), философское осмысление феномена русской интеллигенции в Латвии (А. Романов), публикация архивов архиепископа Иоанна (Поммера) (Ю. Сидяков), обсуждение актуальных вопросов гуманитарной культуры ведущими российскими философами (А. Романов), исследование современной русской культуры в Латвии.

**Р**усская культура, независимо от того, где она проявляет себя – в Латвии, Литве, Эстонии или в России, – нисколько не теряет от своей изоморфности. Однако первые попытки самоописания культуры вне России (здесь мы говорим прежде всего о русской культуре в Латвии) со всей очевидностью показывают: критерии, применимые для характеристики русской культуры в России, могут не подходить для ее описания вне пределов страны.





Что же представляет из себя русская культура в Латвии и насколько она является аутентичным социальным феноменом? Этим и другим вопросам было посвящено исследование «Русская культура вне России — опыт Латвии», проведенное летом — осенью 2007 года обществом "SEMINARIUM HORTUS HUMANITATIS". Начало этому положила инициатива представителей русской интеллигенции из Латвии, России и других стран. Программа работы была разделена на два этапа. В ней приняли участие исследователи русской культуры и языка в Латвии (доктор педагогики, историк Борис Инфантьев, доктор исторических наук, исследователь православия в Латвии Александр Гаврилин, доктор филологии Игорь Кошкин и др.), специалисты в различных областях культуры (доктор искусствоведения, музыковед Борис Аврамец, председатель сената Балтийской международной академии профессор Станислав Бука, доктор информации и коммуникации Сергей Крук, доктор филологии, ассоциированный профессор Латвийского университета Сильвия Павидис и др.), а также эксперты, способные дать развернутую оценку ведущих тенденций в русской культуре Латвии (доктор философии, политолог, профессор Латвийского университета Юрис Розенвалд, директор программы управления культурой Балтийской международной академии Ирина Маркина, художественный руководитель театра «Дайлес» Михаил Груздов, поэт Владимир Френкель и др.).

Второй этап исследовательской программы, получивший название «Три века русской культуры в Латвии», был поддержан фондом «Русский мир». Результаты исследования обсуждались на семинарах 2009 года и были опубликованы в № 17 — 20 альманаха «Русский мир и Латвия».

Обзорно охарактеризуем основные тематические группы, определившие направление дискуссии в рамках этого исследования.

## Метрополия — колония

*«Почему русская культура в Латвии по отношению к "материковой" культуре воспринимается как провинциальная, маргинальная, а не как ее часть?» (Гарри Гайлит, театральный критик, Латвия).*

*«"Метрополия" создает "колонию", перенося в нее образцы поведения и формы жизни, нормы культуры и стереотипы институционального оформления деятельности» (Марк Меерович, профессор Международной академии архитектуры, доктор исторических наук, Израиль).*

Исследование 2007 года «Русская культура вне России — опыт Латвии» не касалось этого вопроса, поэтому основные выводы мы делали на основании трудов историка русской культуры Б.Ф. Инфантьева,

который исследовал традиционную русскую культуру, прежде всего фольклор, сравнивая ее с традиционной латышской культурой.

Б. Ф. Инфантьев родился и вырос в провинциальном латвийском городе Резекне. Резекне (или Режица) стал одним из центров русской культуры Латвии: этот город был связан с именами таких выдающихся деятелей, как писатель и литературовед Ю. Тынянов и известный деятель старообрядчества И. Н. Заволоко.

В своих работах Б. Ф. Инфантьев предпочитал говорить о «балто-славянской культуре», включая в нее элементы традиционной культуры как русских, так и белорусов, поляков и т. д. Очевидно, что на традиционную культуру в балтийском регионе не «пересаживались» ценности метрополии, так как время возникновения Российской империи относится к петровской эпохе, то есть к XVIII веку, а балто-славянская культура насчитывает больше тысячелетия. В период Первой Латвийской Республики (1918–1940) русская культура противостояла советской, о чем Б. Ф. Инфантьев упоминает в своей автобиографии. Вопрос же о том, при каких обстоятельствах у провинции возникнет шанс стать равноправной столицей в культурном аспекте, на наш взгляд, больше применим к современным реалиям, а не к 20–30-м годам XX века – времени формирования современной русской культуры в Латвии.

## Сохранение русского языка

*«До некоторого времени был уверен, что культура сохраняется благодаря языку. Но совсем недавно узнал про Ирландию, что, дескать, там англичане запрещали и останавливали развитие ирландского языка. Развивали только английский. Но культура ирландцев тем не менее сохранилась. Хотя, конечно, они жили на своей земле. Земля, а еще кровь, род – вот что способствовало развитию ирландской культуры. Примеры: Джойс, Свифт, Конан Дойль, Леннон, Рурк (актер) и проч. Таким образом, формулирую общие вопросы: состояние русского языка в современной Латвии, каково оно? Другие механизмы воспроизводства русской культуры – есть ли они и в каком состоянии находятся?» (Леонид Чернов, кандидат философских наук, Россия).*

Проблема сохранения русского языка в Латвии обсуждалась на страницах альманаха «Русский мир и Латвия» в нескольких дискуссиях.

На вопрос: «Как вы оцениваете место и будущее русского языка в сегодняшней Латвии?» участники дискуссии давали разные ответы. Так, профессор Латвийского университета доктор филологии Игорь



Кошкин считает, что «с социолингвистической точки зрения мы имеем дело с вариантом русского языка на территории Латвии, по разным аспектам мотивации аналогичным тому, что было в годы Первой Латвийской Республики, но с учетом того, что тогда была другая социальная структура общества, другой уровень взаимодействия, связанный с другим опытом контактирования. Социолингвистический вариант русского языка — это очень хорошо, потому что русский язык, кроме метропольного языка в России, имеет разного рода диаспорные формы». Иную оценку нынешней роли и будущего русского языка в Латвии дала доктор филологии, профессор Балтийской международной академии Ирина Диманте в статье «Языковые контакты: двух- и трехязычие на территории Латвии XVIII—XXI вв.», опубликованной в VIII и IX выпусках альманаха (2007). Для автора ситуация с русским языком в Латвии представляется исторически обусловленной. Отклонению русской речи в Латвии от речи жителей России, с точки зрения Ирины Диманте, способствует политический процесс, связанный с введением закона о государственном языке и переходом высших учебных заведений и школ на латышский язык. Это неизбежно приводит к утрате знаний литературных форм и вытеснению русского языка в бытовую сферу с ее диалектическими и просторечными формами, и как результат — «письменный литературный русский язык в Латвии перейдет в область пассивного владения».

Настоящему и будущему русского языка в Латвии в альманахе «Русский мир и Латвия» посвящен целый ряд специальных публикаций, среди которых отметим обзорную статью Сергея Мазура «К вопросу о формировании языковой ситуации в Латвии». Работа отражает полемику вокруг русского и латышского языков, прежде всего представленную статьями сотрудника Института этнологии и антропологии РАН Светланы Рыжаковой «Латышский язык: исторические преобразования и социокультурные аспекты бытования» и Павла Тюрина «Латышское немногословие русских, или "язык мой — враг мой"». Критика позиций С. Рыжаковой и П. Тюрина в статье С. Мазура связана с отрицанием представлений о гипертрофированной роли политики в судьбе русского языка.

## Русская культура и православие

*«Есть ли основания рассматривать русскую культуру как фантом утраченной (утрачиваемой) православной (христианской) культуры с подобной фантомным болям "ностальгией" по ампутированной части тела?» (Павел Тюрин, доктор психологии, Латвия).*



«Является ли русская культура рефлексией на латышскую культуру?»  
(Владимир Соколов, общественный деятель, Латвия).

Вопрос о том, можно ли считать русскую культуру фантомом утраченной (утрачиваемой) православной (христианской) культуры, обсуждался в статьях альманаха «Русский мир и Латвия» и в дискуссиях на семинарах в Риге.

Ведущий исследователь истории православия в Латвии доктор исторических наук, профессор Александр Гаврилин в статье «Русская культура и православная церковь в Латвии?» отвечает на него отрицательно. А. Гаврилин считает неправомерным соотносить православные ценности только с культурой русского населения Латвии: «...Среди русского населения Латвии всегда были и есть представители других религиозных конфессий — католики, баптисты и др.».

До Первой мировой войны русские православные приходы на территории Латвии были исключительно городскими. Сначала их основу составляли чиновники, купечество и военнослужащие, а со второй половины XIX века — с началом индустриализации — они пополнились фабричными рабочими.

Представители русской гуманитарной интеллигенции в XIX веке за редким исключением не выбирали территорию Латвии местом постоянного проживания. Разумеется, можно вспомнить Евграфа Чешихина, посвятившего всю свою жизнь изданию первой русской газеты «Рижский вестник», переводам и публикации источников по истории Прибалтики, написанию «Истории Ливонии». Можно назвать представителей православного духовенства, которых присылали сюда из центра империи: викарного епископа Рижского Филарета (Гумилевского), автора первого исследования по истории Русской православной церкви, первые тома которого впервые были изданы в Риге; ученого-богослова архиепископа Рижского и Митавского Филарета (Филаретова); архиепископа Арсения (Брянцева) — прекрасного проповедника, любителя истории; архиепископа Агафангела (Преображенского) и многих других. Все они были прежде всего миссионерами, посланными главным образом для работы с местным коренным, то есть латышским и эстонским, населением. Представителей же русской гуманитарной интеллигенции было крайне мало. Поэтому вплоть до образования независимой Латвийской Республики вряд ли можно говорить о формировании на территории Латвии какой-то особой русской культуры.



Думается, что свою роль в формировании русской гуманитарной культуры в Латвии православие сыграло в 20–30-е годы XX века. Почти все русские общественные организации в период Первой Латвийской Республики так или иначе связывали свою деятельность с православными ценностями, в их уставах были прописаны тезисы о сохранении русской культуры. Фактически все русские общественные организации Латвии любое свое мероприятие начинали с молитвы. Как правило, в их оргкомитеты входили представители православного духовенства. Но это были люди совершенно другой культуры, не имеющей ничего общего с культурой современного латвийского общества.

Во-первых, современное русское общество в Латвии, в большинстве своем светское, имеет только смутное представление о православных ценностях. Во-вторых, русская гуманитарная интеллигенция Латвии 20–30-х годов XX века (в основном эмигрантская) ориентировалась на высокую миссию — быть последней хранительницей русской культуры, святого православия и в тот час, когда падет большевизм, вернуть святыни на руины разоренной России. Отсюда — все старания интеллигенции сохранить как собственную национальную культуру, так и вероисповедание своих предков, хотя она и не всегда могла найти общий язык с основной массой русского населения Латвии — с крестьянами Латгале и Яунлатгале (Абрене).

У нынешней русской интеллигенции Латвии такой цели нет. Сегодня не составляет никаких проблем переехать границу России, однако мало кто из русских Латвии мечтает о возвращении на свою «историческую родину». Следовательно, здесь им более комфортно. Не секрет, что в России гуманитарная культура сейчас стремительно развивается, и вместе с тем ее составная часть за пределами страны — культура диаспоры — не является источником ее формирования и уж тем более не ставит перед собой цель сохранять культуру многомиллионной России. Нельзя забывать и о том, что большинство православных в Латвии — это неопиты, принявшие крещение сравнительно недавно, только в 90-е годы XX века, поэтому тема православных ценностей в жизни русского населения Латвии во многом остается открытой.

Уточнению этого вопроса была посвящена заключительная часть XLVIII Чтений памяти архиепископа Иоанна (Поммера) 12 октября 2009 года. Архиепископ Иоанн (Поммер) — первый святой Латвии, канонизированный православной церковью в 2001 году. В некотором смысле это ключевая фигура для понимания Латвии периода 20–30-х го-



дов XX века, особенно ее русской составляющей. Однако тезис о православии как главном источнике русской культуры на XLVIII мемориальных Чтениях подвергся критике, так как ряд явлений в жизни русской Латвии выходил за пределы православия. Например, старообрядчество в 1920-е и 1930-е годы также было одним из источников формирования русской культуры той эпохи. Другой важнейший ее источник — русская литература и язык.

## Русская культура как национальная культура

*«Каковы перспективы и границы любой национальной культуры? И насколько важно сегодня эти границы сохранять и в них находиться? Может, суть сегодняшней культурной ситуации — именно в преодолении национальных рамок и в возвращении культуры к самой себе, особенно после национального дурмана и порожденных им кровавых рек XX века?»* (Дмитрий Мацнев, предприниматель, Латвия).

*«Что такое русская культура сегодня? Кто-нибудь вообще это знает? Поскольку тема задает соотношение русской культуры здесь, в Латвии, и там, в метрополии, то, может, надо сначала выяснить, что с чем соотносится, то есть что такое русская культура там и что она — здесь?»* (Харий Туманс, доктор исторических наук, Латвия).

*«Может ли Россия обойтись без культурного вклада зарубежных соотечественников?»* (Николай Гуданец, поэт, Латвия).

Одним из результатов исследования 2007 года «Русская культура вне России — опыт Латвии» стал вопрос о субъектности русской культуры в Латвии и ее дискретности в исторической преемственности.

Проблема дискретности в преемственности русской культуры хорошо видна при сравнении периодов 1920—1930-х годов и современной Латвии. Со смертью Б.Ф. Инфантьева оборвалась, вероятно, последняя нить, соединяющая русских Латвии, живших в Первой Латвийской Республике, с нашими русскими современниками.

Та же проблема дискретности актуальна для взаимосвязи современных русских культур вне России — как внутри самих себя, так и с Россией. Культуры вне России (мы имеем в виду прежде всего Латвию) существуют в ситуации, исключающей участие государственного образования в их воспроизводстве. Поэтому особенностью данного этапа (начиная с 1991 года) является, наряду с переосмыслением взаимодействия культуры и «этнической аутентичности», интенсификация культурных связей с Россией.



## Русская и латышская культуры

Фактически единственным исследователем взаимовлияния русской и латышской культур — как традиционных, так и современных — до 2009 года, то есть до своей смерти, оставался Б. Ф. Инфантьев. Альманах «Русский мир и Латвия» с 2009 года начал публикацию его книги «Миф о русских в латышской литературе». Книга Б. Ф. Инфантьева — уникальный источник для понимания восприятия русских в латышской культуре XVIII — XXI веков, позволяющий проследить изменения в отношении латышских писателей к миру русских в Латвии.

Интересным открытием Б. Ф. Инфантьева стало то, что размежевание латышских писателей по отношению к русскому вопросу произошло именно в 1944 году (а не в 1940-м, как это обычно представляется в СМИ). Заслуге исследователя принадлежит и выделение факторов, способствовавших отходу от первоначального уважительного отношения к русским в дореволюционной Латвии.

Понимание особенностей восприятия русских в Латвии со стороны латышей могло бы изменить так называемое национальное самосознание русских в Латвии. Ведь именно незнание своей собственной и латышской культуры ведет к нынешней дезинтеграции латвийского общества, к проявлениям отчуждения и нетерпимости как в политике, так и в бытовой сфере.